

Татяна Соколова

Лекарство от амнезии

Татьяна Соколова

Лекарство от амнезии

«Издательские решения»

Соколова Т.

Лекарство от амнезии / Т. Соколова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745854-6

Что есть добро, а что — зло? Выбор и его цена. Драмы подростков и трагедии родителей. Воспоминания, которые не отпускают. Чем излечить: память, болезни, прошлое?

ISBN 978-5-44-745854-6

© Соколова Т.
© Издательские решения

Содержание

Дефекты	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лекарство от амнезии

Татьяна Соколова

© Татьяна Соколова, 2017

ISBN 978-5-4474-5854-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дефекты

Запах хвои, и маленькие иголки, осыпавшиеся на ковер и втыкающиеся в голые ступни, заставляют физически чувствовать приближение праздника. Я всматриваюсь в темное окно, за которым, как феи, порхают снежинки, и ждущу. Не Деда Мороза, а папу, хотя иногда это одно и то же. Он должен вернуться из командировки. Мама ведет переговоры по телефону и, видимо, отсылает подарки всем знакомым, потому что в нашу квартиру то и дело поднимаются двое в черных костюмах и забирают коробки. Они напоминают горилл, которых я видела в зоопарке, когда мы были там с папой, но ни капельки не забавные, и мне быстро наскучивает наблюдать за ними. Я снова переключаюсь на фонари за окном, блестящий снежный ковер, который превращает обыкновенную улицу в волшебное снежное царство. Я представляю, как снежные сани с шашечками несут папу из аэропорта, как Снежная Королева преследует его, чиня препятствия, но он все равно прокладывает путь, спеша в теплый уютный дом, где горит огонь на плите, и свистит чайник, приглашая к столу.

Зашебуршала подарочная обертка в руках одного из верзил, и я повернулась, чтобы, выяснить, в чем дело. Черные шкафы выгребают подарки из-под елки. Наши подарки, которые мы готовили к Новому году.

– Не троньте! – мои руки бросились спасать подарки из плена.

Я уцепилась за нижнюю коробку, предназначенную отцу, и потянула ее с силой, смахнув всю пирамиду на пол. Коробки разлетелись, как кубики, сообщив маме, что погрузка дала сбой.

– В чем дело? – спросила она, не отрывая трубку от уха.

– Они..., – жалобным голосом я принялась рассказывать о творящемся безобразии, но мама оборвала меня, не дав договорить.

– Делайте, что приказано. Я сама тут разберусь, – она неловко выхватила большую синюю коробку из рук громилы.

Крышка сорвалась, как сброшенная шапка, а содержимое высыпалось на пол. Футболка, на которой я написала: «Папа, с Новым годом!» была без сожаления придавлена грязным ботинком. Раздавленная пополам крышка, смятая и жалкая, лежала на полу, сочувственно глядя на меня. Предметы были гораздо более живыми, чем люди.

– Это же... папе.

Когда что-то происходит, кто-то меня пугает, я замолкаю или начинаю заикаться. Не то, чтобы мне нечего сказать. Слова и эмоции переполняют меня, но я не могу подобрать нужные, и вся замыкаюсь внутри своих переживаний. Закрываюсь наедине с ними в темной комнате, сижу и боюсь. Ждущу, что кто-то придет и отперет замок, выпустит меня, объяснит почему, такое происходит. Но никто не приходит, и я продолжаю сидеть в немом безмолвии.

– Женя, послушай, сегодня мы уезжаем. У тебя будет новый дом и новый папа, – сообщила мама, будто она была Дедом Морозом и только что преподнесла мне подарок, за который я должна была поклониться и поблагодарить, – И столько маек и красок, сколько ты пожелаешь.

Я пыталась осознать сказанное мамой. Новый дом и новый папа. В Новый год все самое новое и самое – самое. Внутри меня все негодовало, и я чувствовала жжение в уголках глаз, будто меня посадили в кипящую воду и просили кричать от восторга, когда все вопило от боли.

Я смутно помню дорогу к этому новому дому и новому счастью, которое мне было обещано. Глаза застилали слезы. Я думала об отце, как он войдет в пустую квартиру, увидит грязную скомканную майку на полу и прочтет: «Папа, с Новым годом!»

Он будет совсем один, далеко от нас. Никто не принесет ему конфету из сладкого подарка, не разломит ее пополам и не поделится долькой мандарина, никто не обнимет и не поцелует, не усядется на колени и не засмеется, когда его щетина защекочет шею.

В новом доме была громадная, в потолок, елка и гигантская башня подарков, выше меня ростом. Мама представила нам нового отца. Он был вылитый Карлсон, толстый с пухлыми руками. Совсем не походил на папу. Мой отец никогда не носил украшений, а у нового незнакомого господина на руках было два громадных перстня. Папа в домашней обстановке предпочитал удобные трико и майку, а незнакомец был в рубашке и брюках, будто семейный ужин был очередной сделкой, которую он собирался заключить.

Сестра вертелась и осматривала новый дом, как новый наряд, со всех сторон. Она вела себя точно так же, как в магазине, когда нам обновляли перед школой гардероб. Хватала все и пробовала. Как меня не пытались разговорить, я молчала, и когда все смеялись, хмурилась. Я не бросилась открывать подарки, которые выставили передо мной, как гору золота из пещеры разбойников. Карина открывала и получала их за двоих. Я скрестила ноги и сидела на полу, раскачиваясь вперед и назад, как неваляшка и механически повторяя беззвучное «папа». Я знала, что нервнирую этим толстого Карлсона, и намеренно продолжала качаться.

– Она что больная? – спросил он у мамы, беря ее под локоть и отводя в сторону, – ты можешь заставить ее прекратить? Что скажут мои друзья, когда придут на ужин?

Мама взяла сестру за руку, а меня уцепинула за кожу выше локтя и подтолкнула в сторону детской.

– Ты просто невыносима, – прошипела она мне в лицо, – Я тебе уже сказала, что в ближайшее время ты его не увидишь, хочешь ты этого или нет. И лучше тебе с этим примириться и прекратить эту молчаливую забастовку. Она меня только нервнирует, – она толкнула меня в спину, – Давай, давай, пошевеливайся.

Я споткнулась о порог и упала на белый пушистый ковер. Обстановка дома напоминала больничную палату. Все светлое или до блеска начищенное, будто здесь находились не люди, а пациенты. И я была в категории умалишенных, которым требовалось провести прочистку мозгов.

Мама усадила сестру на кровать, а сама села рядом. Меня не пригласили. Я так и осталась сидеть на ковре, смотреть, как они возвышаются надо мной, будто с вершины горы пытаются докричаться.

– Я хочу рассказать вам все честно, – мама тяжело вздымала грудь, будто правда давила на нее.

О какой честности она говорит? Мы всегда были вместе у праздничной елки. Она испортила праздник – сломала семью.

– Ваш отец изменял мне на протяжении долгих лет. Он сам добровольно разрушил нашу семью, отказался от того, что имел, значит, не ценил и не любил. Вы ему нужны только для того, чтобы насолить мне.

Мама пыталась доказать, что отец плохой. Может, он и был плохим мужем, но никогда плохим отцом.

– Посмотрите вокруг. Кто о вас действительно заботится, так это Валентин. Он купил целую гору игрушек к вашему приезду, – мама указала на открытые полки с коробками, в которых уже рылась моя сестра, считавшая разговор не имеющим к ней отношения. Она же ничем не заслужила наказания.

– У вас у каждой будет по отдельной комнате, игровая... – она перечисляла еще что-то, но я ее не слушала.

Отдельная комната? Мы делили комнату на двоих и ни разу не говорили, что нам тесно. Мы же близнецы, нам не может быть тесно друг с другом в одной комнате, после того, как мы умещались вдвоем в одном животе. Нас хотят разделить?

Меня охватила паника, и я замерла с широко распахнутыми глазами. Мама отнесла это на счет радостного удивления, и почесала меня по голове, как треплют щенка.

– Я знала, что ты у меня умная девочка, и все поймешь. Так будет лучше для всех.

Я подошла к полкам с игрушками и открыла упаковку фломастеров.

– Совсем другое дело, – мама поцеловала меня в макушку, – Хорошо, что ты одумалась. Неприятно было бы пропустить праздник из-за всяких глупостей.

Что она называла глупостями? Моего папу? Я заскрипела фломастером по бумаге.

– Что ты рисуешь? – спросила мама, выглядывая из-за моего плеча.

Я развернула к ней картинку с огуречными человечками. Большой и высокий, с короткими палками волос, держал за руки двух маленьких. Под картинкой четко и ясно было написано: «хочу к папе» и три кричащих восклицательных знака с надеждой, что услышат.

– Ты опять за свое?!

Мама выхватила листок и разорвала в мелкие клочья. Как хлопья белого снега, они посыпались на меня сверху. Меня не услышали.

Мама даже не пыталась больше быть спокойной и открыто выражала свой гнев раздувшимися, как у быка, ноздрями, визгливой интонацией.

– Если ты не прекратишь, ты будешь лишена праздника, и мы запрем тебя в комнате!

Я на секунду замерла, глядя на ее злое непонимающее лицо.

Она уже лишила меня праздника. Мне нечего терять. Комната – это награда, а не наказание. Я лучше буду сидеть одна и мысленно находиться там, где пожелаю, чем делить с чужими людьми чужой праздник.

Решив, что мое молчание означает согласие, мама с трудом заставила себя смягчиться, хотя по-прежнему нервно дышала.

– Ты обещаешь хорошо себя вести?

Я лишь отрицательно покачала головой. Я не собиралась давать обещаний тому, кто нарушил свое: «жить в горе и в радости до конца своих дней» с моим отцом.

– Карина, идем, милая, – мама обняла сестру за плечи.

Больше всего было смотреть, как она уводит сестру. «Мы одной крови», – как говорил Маугли, – «ты и я», нас нельзя разлучать.

Мама наклонилась к уху Карины и у самой двери во весь голос сообщила:

– Поедем выбирать тебе платье к празднику, чтобы ты была самой красивой, моя принцесса.

Карина обернулась в мою сторону и посмотрела так, как смотрят на наказанного ученика, с боязнью и радостью, что она не на моем месте. Она ни за что не променяла бы мамину любовь на обрывки бумаги, которые я собирала с пола. А мое развлечение на вечер – пазл из бумажных крошек, собрать который легче, чем склеить обломки нашей семьи.

Уже семь лет, говорю только в своем сознании, а вслух высказываюсь жестами или на бумаге. Научилась писать достаточно быстро, но это все равно совсем не то, что говорить по-настоящему. Ужасно нервирует, когда приходится заставлять собеседника ждать, пока я напишу несколько слов, и вся мимика достается блокноту и ручке, а человеку сухое сдержанное лицо. Я напоминаю себе пишущую машинку на ножках. Эмоции заперты в шкафу моего тела.

Доктора сказали «механизм сломался». Заело шестеренку, и слова не выдавить. Будто я машина или робот какой-то.

Слышу, как шумит кран с водой, шелкает чайник, стучит по деревянной доске нож. Скоро меня придут будить. Тронут тихонько за плечо и позовут нежно: «Просыпайся, соня».

Я встану, но какое-то время буду сидеть в кресле, задумчиво уставившись в пустоту и пытаюсь продрать глаза.

– Доброе утро. Сны были хорошие?

Разлепляю глаза, чтобы увидеть лицо без макияжа, волосы, заплетенные в косу, улыбку, как у сказочных героинь старых фильмов. Вика напоминает Настеньку из «Морозко». В очередной раз думаю, что ей далеко до мамы, эффектной домохозяйки с укладкой и профессиональным макияжем.

Вика не домработница, и даже не папина жена. Было забавно, как взрослые боялись сообщить об отношениях. Она мне давно нравилась, и была вроде сестры, которой мне не хватало. Мы рисовали мои страхи и превращали их во что-то доброе, а потом я превращала Вику в своего пони и заставляла кружить по комнате, выгребала игрушки и не отпускала, пока во все не поиграем. Я радовалась возможности пообщаться еще с кем-то, кроме отца. С кем-то одного пола. Это не могло восполнить утрату, но помогало на время отвлечься от мыслей о маме.

– Хочешь помочь с завтраком?

«Надо сперва одеться» – принялась демонстративно капаться в комоде, выбирая майку, – «А что у нас сегодня?»

– Бутерброды.

«Опять?» – морщу нос.

– А что бы ты хотела?

«Кашу?»

– Ты же ее терпеть не можешь, – удивилась Вика.

– Но если хочется, пусть ест. Что ты к ребенку пристала, – недовольным взглядом папа уснул Вику на кухню и поцеловал меня в щеку, – Привет, малышка. Как спалось?

Изображаю руками чаши весов, которые болтает от разности веса.

«Так себе».

– Волнуешься из-за концерта?

Делаю из пальцев щепотку. «Немного».

– Ладно, не тяни время. Одевайся и за стол.

«Ага».

По случаю концерта Вика накрутила мне бигуди, и я понятия не имею, с какой стороны к ним подойти. Придется сигнализировать «SOS». Стоило об этом подумать, как появилась Вика и принялась раскручивать волосы.

Бигуди благополучно покинули мою голову, и я с удовольствием тряхнула волосами. Пышные волны создавали вокруг лица кружевную рамочку.

– Красавица. Завтрак на столе.

Папа сидел на кухонном диванчике, и я приземлилась рядом. Каша уже пускала последние струйки пара, а Вика отмывала кастрюлю.

– Ну, наконец-то, – проворчал папа, высовываясь из-за бумаг, которые просматривал, – Тебе сколько времени не дашь, ты все потратишь. Как вы девушки умудряетесь так долго собираться?

Я стянула с тарелки хлеб с колбасой, накрыла его вторым и жадно откусила свой сэндвич. Еще бы огурчик и помидорчик, и было бы в самый раз.

– А каша? – Вика посмотрела на игнорируемую мной тарелку.

Я показала на почти доеденный сэндвич.

«Передумала».

Не отрываясь от каких-то бумаг, папа машинально потянулся за своим последним бутербродом, но не нащупал ничего, кроме нескольких хлебных крошек.

– А где мой...?

Поймал меня с поличным: я в этот момент прятала в рот остатки.

– Кушай, – папина рука погладила по спине, как в детстве.

Вика убрала прочь тарелку с нетронутой манкой. Через несколько секунд передо мной красовался праздничный торт – мой любимый трехслойный сэндвич.

– Купила твоему брату рубашку. Изумрудную.

Обсуждали подарки к праздникам. Вика – ходячая записная книжка. Она знала, что любят бабушка с дедом, папины коллеги. Вплоть до того, кому, сколько сахара класть в чай.

– Все правильно?

– Ты это у меня спрашиваешь? Это ты у нас дружишь с цифрами.

И как все это умещалось в ее голове? Наверное, это особенность всех женщин, хотя моя мама забыла позвонить на прошлый день рождения, а я, как ни пытаюсь, не могу запомнить все важные даты, которые задают по истории.

– Платье погладила? После уроков мы успеем только пообедать и помчимся на репетицию.

– Все еще с вечера готово. Я тебе дважды сказала, – устало вздохнула Вика.

Так на нее не похоже. Обычно она не вздыхает. Заболела?

– Ты здорова? – спросил папа обеспокоенно.

И Вика слегка побледнела под его настойчивым осмотром.

– Не испортишь нам новогодние праздники своей болезнью?

Она замотала головой.

– Не беспокойся.

Знает, как мы относимся к Новому году. Он имел обыкновение менять сценарий в самый неожиданный момент. Это был особый праздник, который все очень боялись испортить, большей частью из-за меня. Я ненавижу Новый год. Ненавижу тех, кто придумал разводы. Наверняка, это были люди, у которых нет детей.

Когда родители начали постоянно ссориться, и мультики большие не могли заглушать крик и плач, я переживала. Но когда они разошлись – меня будто раскололи надвое. Кого любить? Кого винить?

Иногда мне кажется, что это мы разделили родителей. Они даже не успели толком пожить для себя, как их жизнь очень быстро сосредоточилась вокруг нас. Рождение двойняшек – стало тяжелым испытанием для мамы. Она к появлению одного ребенка была морально не готова, что уж говорить о двоих. Папа, как мог, помогал. Он рассказывал, что кормил меня с бутылки, пока мама укачивала сестру в кресле-качалке. Та только так и могла уснуть. С тех пор обожает качели, может часами на них качаться, также как я люблю машины. Чтобы убаюкать меня, отцу приходилось наворачивать круги вокруг дома. Ровный шум двигателя и покачивание в авто-кресле слепляли мои веки лучшие любого «Момент».

Дома отец обнаруживал маму, спящую рядом с сестрой. Малышка крепко вцеплялась в ее пальчик, не желая отпустить. У меня были свои уловки удержать папу рядом. Я начинала кричать, как только он пытался вынуть меня из автомобильного кресла, и соглашалась снова уснуть, только услышав щелкающие звуки клавиатуры. Он ставил меня рядом с компьютерным столом, и работал, оберегая мой чуткий сон.

Мы с сестрой всегда были очень разные.

Когда нас отправили в музыкальный класс, я отказалась играть на пианино. Длинный ряд клавиш сливался в полосатое тело зебры, и я не могла заставить себя давить на них, вбивать пальцы в ее спину. Мама неодобрительно поджала губы и отошла с сестрой к педагогу. Они, стояли, отгородившись от меня спинами, и я подумала, что они не заметили, что я все еще нахожусь в комнате.

Я поднялась из-за стола и, поблагодарив Вику едва заметным кивком, повернулась к отцу и провела указательным пальцем вдоль губ.

«Почищу зубы, и можем выходить».

– Хорошо, – он кивнул мне и наклонился к самому уху Вики.

Прежде чем отправиться в ванную, несколько секунд следила за «сладкой парочкой». Вид у обоих был подозрительно таинственный. Вика была румяная, как нежно розовый зефир и смотрела в пол. Наверное, обсуждали новогодние сюрпризы. Вика по этой части большой специалист. В прошлом году она заставила нас в мюзикле играть, выступать перед дедушкой и бабушкой. Вот была потеха, когда папу нарядили в кружева и рюши.

Зубная щетка выскользнула из рук и упала на пол, спрятавшись за водосточную трубу. Я присела на корточки и стала выуживать ее, но вместо щетки вытащила тонкую белую пластинку. Недавно видела такую у своей подруги, когда она испугалась, что залетела. Откуда взяться тесту для беременности в нашей ванной? Я посмотрела на дверь, будто могла сквозь нее заглянуть в кухню и рассмотреть Викино бледное лицо. Ребенок? Это так неожиданно. Или нет? Я даже не поняла, как к этому относиться? Радоваться или переживать? Так долго я была единственной. Мне нравилось всеобщее внимание и любовь. Даже не знаю, готова ли я к тому, что все изменится?

– Женька, ты чего там застряла? За это время можно больницу зубной щеткой почистить, – в дверь постучал уставший ждать папа, – В школу опоздаешь.

Я спрятала тест в карман джинсов и открыла задвижку.

– Все в порядке? – спросил папа.

«Да. Все отлично», – я улыбнулась.

Конечно! Все лучше некуда. У меня будет личная собственная сестра или брат, которые никуда не уедут, будут делить со мной комнату и лазать по моим шкафам, проверяя, что там лежит. Что может быть лучше?

Я стою на сцене. Сверлю взглядом дверь. Когда в ней появится человек, которого я жду? Мое сердце замирает на каждом похожем силуэте, выбивает чечетку в ускоренном темпе. Когда? Снова сердце падает в темный туннель, летит в пустоту с многоэтажного дома и разбивается в лепешку.

Бесполезное занятие. Никто не придет. Но когда-нибудь, через много лет, я прославлюсь, стану знаменитой скрипачкой. Мое лицо будет на обложке журнала. Мама увидит меня и скажет с гордостью «это моя дочь». Она станет хвастаться перед друзьями и захочет встретиться, позвонить, но у нее даже не будет моего номера, и ей придется, как обычной фанатке, идти на мою встречу с поклонниками, стоять в длинной очереди, чтоб подойти ко мне и заговорить. Она скажет, как сильно она сожалеет о том, что случилось, о том, что в ее жизни не нашлось места для меня.

Пытаюсь сосредоточиться на игре. Продолжаю водить смычком, мысленно напевая ноты. Вижу серьезные серые глаза, русые волосы, длиннее положенного школьными правилами, и лицо, которое невозможно забыть. Оно подобно герою «Призрака оперы» поделено на две половины шрамами. Это самое прекрасное лицо, которое, я когда-либо видела.

Подруга сказала, что он считает меня очень таинственной, и я ему нравлюсь. Забавно. Так любая глупышка может заработать репутацию загадочной особы, долго подбирая подходящую фразу.

Я различала голос его скрипки среди других, чувствовала его присутствие всем телом, каждым подскочившим на руке волоском. Вибрация достигала моего тела и заставляла дрожать, вызывая приступ щекотки. Сотни бабочек кружились в танце на дне моего живота.

После концерта спустилась со сцены, и услышала, как кто-то окликнул:

– Постой.

Этот голос я узнала бы, даже разбуди он меня среди ночи.

– Может, отметим мороженым удачное завершение?

Пожала плечами, как делала это много раз прежде. Обычно потом мне удавалось сбежать, но сейчас толпа зрителей с цветами прижала нас к сцене. Что тут было сказать? Конечно, я с удовольствием, но папа подвергнет Ромку расстрелу очередью вопросов и никакой прогулки не получится. Я даже не знала, как мне поступить. Стояла и молчала, прямо русалочка из сказки, у которой злая ведьма отняла голос. Было бы интересно послушать, какое имя подобрал бы мне мой принц Эрик.

– Чего молчишь? Ты что немая?

Я грустно покачала головой и развернулась, чтобы уйти. Разговаривать нам больше было не о чем. Но сбежать снова помешали. На этот раз папа. Его руки были широко раскинуты, и он готовился заключить меня в объятия. На одном плече болтался фотоаппарат, на другом видео камера. Он был во всеоружии.

– Привет. Замечательно выступила, – поздравил меня поцелуем.

Я видела, как Ромка стоит за его спиной и все еще не уходит.

– Будет, что показать дедушке с бабушкой.

Я улыбнулась и показала «класс» большим пальцем.

Рома наблюдал за нами. Краем глаза увидела, как изменилось его лицо. Потянула отца за рукав рубашки, показывая, что нам пора.

– Так ты... действительно? Я... даже предположить не мог. Про... сти меня, – он очень волновался и даже слегка заикался, не находя слов. Так что я почувствовала, что не у одной меня проблемы с речью.

Я кивнула, показывая, что принимаю его извинения, и улыбнулась, стараясь, чтобы это была не одна из тех широких на пол лица глупых улыбок, которыми я одаривала только особых людей и по особым случаям. Но у меня не получилось. Отец стал пристально изучать лицо Ромы и посматривать то на него, то на меня.

– Ты нас представишь?

Я развела руками, указала сначала на папу, предлагая ему самому это сделать, а потом на Рому. Мужчины по очереди представились, и отец стал жевать губы, будто смаковал какую-то еду.

– Значит у нас тут Роман? – протянул он двусмысленно.

«О!» – я закатила глаза.

Ромка при этом стал похож на томик романов Тургенева, который я читала накануне. И мне стало его искренне жаль. Папа умеет выворачивать людей наизнанку, как-никак он хирург. Профессия обязывает.

– А ты..? – спросил нерешительно Рома, боясь показать, что все еще не знает моего имени.

– Женя, – представил папа раньше, чем я успела достать блокнот из папки с нотами, – Я теперь у тебя еще и озвучкой работаю. Субтитры барахлят? – пошутил отец, глядя, как я нервно копаюсь в папке в поисках затерявшейся записной книжки. Я осадил его неодобрительным взглядом и обмахнула белыми листочками.

– Так-так, молодой человек. Значит, хотите пригласить мою дочь на свидание? – продолжал разбирать нас на части отец.

Я сложила ладони в умоляющем жесте, но папу было не остановить, а мой Ромео набрался смелости и громко заявил: «Да!»

– Что ты об этом думаешь?

«В другой раз», – быстро вывела в блокноте, который ношу на случай, если не удастся объясниться с помощью жестов, «Нас сегодня ждут дед с бабулей».

– Тогда, может, созвонимся? – предложил Рома, – Спишемся? – поспешно исправился он.

С телефоном дело обстоит гораздо хуже, чем с личной беседой. Я не могу никому позвонить. Раньше писала сообщения, почти каждый день. Думала, это важно. Но когда стала получать односложные, фразы, «нормально» и «ок» – перестала писать.

Самое обидное, когда тебе обещают, «приеду», а потом присылают «не смогу», «занята». Ощущение, что это не я, а они немые, не могут заставить себя поднять трубку и объяснить, что случилось. Все-таки мы не чужие. Неужели так сложно сказать, извини, у нас есть другие дела? Разве они не понимают, что происходит со мной, когда я полгода жду возможности их увидеть, а потом получаю сообщение, что ждала недостаточно?

– Я оставлю вам свой телефон, – Рома достал мобильный.

– Ну, уж нет! – категорически отказался отец вместо меня, и я вздрогнула.

Почему? Что ему не понравилось в Роме? Я видела, что тот тоже напрягся, как струна скрипки.

– Телефон побереги для себя. А нам хватит и номера. А то, как ты писать будешь?

Они диктовали номера, а я смотрела, как папа общается с Ромой, как наклоняется, чтобы посмотреть, правильно ли тот все записал.

– Девушка, которая не умеет говорить – это же мечта. Обычно их заставить молчать невозможно.

Мне ничего не оставалось, как закатывать глаза к небу и безмолвно высказывать свое «только не это». Я спрятала лицо в ладони, но высунулась из них, чтобы посмотреть на реакцию Ромы. Его глаза смеялись, и я перестала прятаться. Улыбнулась в ответ.

К нам навстречу зашепила Вика с огромным букетом бордовых роз.

– Ты просто умница. Поздравляю, – она протянула цветы, и я вспомнила, как она поздравляла меня с новым периодом в жизни – с тем, что я стала девушкой.

Тогда ей пришлось спасать меня от аварии и укрывать своим длинным пиджаком, потому что мои светлые брюки окрасили уродливые пятна. Мы остановились у цветочного ларька, и она купила розу на длинной ножке.

– Это тебе.

«За что?»

– Поздравляю. Ты стала взрослее, – она обняла меня и рассказала, как когда-то получила свою розу от мамы. Она до сих пор хранилась в одной из ее коробок, сухая, превратившаяся в мелкую стружку. От нее остался только стебель, да и тот был скрюченный, как древняя коряга.

От своей мамы я не получила ни одного цветка.

«Они приедут?» – спросила я осторожно, и почувствовала, что моя немота заразна. По долгому молчанию стало ясно, что ничего приятного папа не сообщит.

– Не смогли. Какая-то важная встреча, – неуклюже соврал папа, но я догадалась, что мама даже не стала утруждать себя звонком. А я до последнего верила, что они будут рядом со мной в важный день. Но мечты не всегда сбываются, а розовые очки – самые хрупкие на свете, и когда разбиваются, не подлежат ремонту.

Помню, как стояла с сумкой вещей. Мама была непривычно холодна и почти не касалась меня, когда я обняла ее на прощание. Мои ладони держали ладони сестры, точно такие же маленькие, как мои. Я не хотела их выпускать, и безмолвно молила поехать со мной, но она отодвинулась, и высвободила руки из моих.

Семь лет мы были лучшими подругами, делили секреты, одежду и игрушки. И вот в одно мгновение, нас раскололи, как орех на две половинки, и вынули сердцевину. Первое время я чувствовала, будто у меня парализовало половину тела или ее просто напросто отсекли. Я по-прежнему могла жить, могла существовать, как живут калеки без ног и рук. Это возможно, но совсем не то, что с обеими конечностями.

В доме отца сидела на полу и разбирала сумку, которую дала мама. Там не было ни коллекции любимых мультфильмов, которые записал мне отец, ни любимого лего и спортивных машин, ни карнавальных костюмов, которые я хранила с каждого новогоднего утренника. Только старые вещи. Это был тот самый мешок: мама велела нам достать то, что мы не носим, что мало или никуда не годится, и сложила в эту сумку, собираясь отдать детям, у которых не было родителей. И отдала. Мне.

– Вы оба просто молодцы! – с чрезмерным восторгом восклицает папа, пытается переключить мое внимание на Ромку, который все еще рядом, и заставить снова непрерывно и бессмысленно улыбаться. Потрепал меня по волосам, как нашего пса Боба. Всегда так делает, но почему-то сегодня его привычная манера взъерошивать волосы вызывает легкое раздражение. Ромка смотрит, а он обращается со мной, как с ребенком. Никак не привыкнет к тому, что я уже девушка.

«Можно пригласить Рому на дачу?» – спросила я.

Вопрос заставил папу поперхнуться своей неожиданностью. Он достал свои любимые весы, и я наблюдала, как чашечки без конца болтаются, не приходя в состояние равновесия. Папа колебался.

«Его компания могла бы поднять мне сейчас настроение».

Ромка недоуменно следил за нашими переговорами и не совсем понимал их смысл. В отличие от папы и Вики, он еще не умел читать по губам и определять мои мысли на расстоянии.

Впереди каникулы, у него три дня выходных. Что ему стоит уступить? Я хорошо занималась и заслужила награду. В конце концов, я же приглашаю его в дом, под неусыпный надзор наших родственников. Не факт, что он вообще согласится. Испугается и убежит без оглядки. Папа на первом свидании – это все равно, что скальпель у горла. Та еще перспективка.

«Пожалуйста, – сделала просящие щенячьи глазки, – на пару часиков, а потом ты отвезешь его на станцию».

Вика сжала руку отца чуть выше локтя, перевес стал в мою пользу.

– Женя приглашает тебя поехать с нами на дачу, – выдавил папа, а я возмущенно поджала губы. Отцу стоило поработать над своей интонацией. Такой тон используют обычно для фразы: «Чтоб ноги твоей не было около моей дочери!»

– Хорошо, – просто сказал Рома, будто абсолютно не заметил откровенно угрожающую интонацию.

Не из тех, кого можно напугать родителями. Я просияла.

– Только мне сначала нужно появиться дома и договорится обо всем с мамой.

– Это правильно.

Похвальные нотки в папиных словах заставили меня расслабиться. Начало положено.

– Странное ощущение, – признался папа, когда мы забросили Ромку домой, и сами поехали собираться. Он обернулся на меня, когда остановились на красный свет, и я увидела растерянность на его обычно уверенном лице, – Как-то не по себе, будто кто-то уводит у меня любимую малышку.

«О, папа!» – я обняла его сзади за плечи. Как он может так думать? Это совсем другое. Я всегда буду его дочерью, даже если стану чьей-то женой.

– Я понимаю, это глупо. Собственнические инстинкты. Ничего не могу поделать. Природа.

Мы с Викой обменялись взглядами из серии «ох, уж эти мужчины!».

Моя ладонь сжимала его плечо, и он прижал ее ухом, будто пытался удержать не меня, а время, которое неотвратимо бежало вперед.

– Я люблю тебя «до самой луны и обратно», – признался папа фразой из детской книжки.

«И я тебя».

Развод – самая жестокая война, которую объявляют люди когда-то клявшиеся друг другу в любви. С той же силой, с которой они любили друг друга, они принимают ненавидеть и враждовать. Эта война, которая не щадит, ни матерей, ни отцов, ни детей. В ней нет места сожалению и прощению. Она хуже мировой и гражданской, потому что ее развязывают два человека, которых ты любишь больше всего на свете, и не знаешь, чью сторону принять.

Казалось, совсем недавно мне было семь, и мы всей семьей поехали на конюшню. Лошади шли небольшой группой по лесной тропинке. Гид то и дело поворачивался к маме и хвалил сестру, делал комплименты, какие красивые и одаренные растут девочки. Мама кивала и смотрела на Карину.

Спортивная и гибкая от природы, сестра делала успехи в верховой езде и вела себя, как олимпийский призер. Она выпятила вперед грудь и красовалась в седле, отпуская поводья и показывая, что может ехать не держась. Она потешалась над позой оловянного солдатика, в которой я замерла, будто меня привязали к металлическому шесту. Мой конь чувствовал испуг и то и дело останавливался, как упрямый осел, замирая на месте и отказываясь идти.

– Обычно он послушный, не знаю, что с ним такое, – удивлялся инструктор, беря моего скакуна под уздцы и заставляя сдвинуться.

Когда конь в очередной раз выкинул этот номер, Карина подскочила сбоку и хлестнула жеребца веткой. Никто так и не понял, почему мой спокойный, как удав, конь взбесился и понес через лес галопом, протаскивая меня через все ветки и буреломы. Я пригнулась к его шее и шептала, чтобы он успокоился, но он не слышал за хрустом деревьев и топотом собственных копыт. Скорость казалась беженной. Меня шатало в седле. Жеребец тряс туловищем, будто я была назойливым насекомым, от которого он пытался избавиться. Я представила, как он падает и начинает кататься по земле, придавливает меня своей массой. Когда меня занесло в очередной раз, выскользнула из седла в высокую траву, чтобы смягчить падение. Конь остановился, довольный, что освободился от седока, и преспокойно принялся за еду.

Родители отыскиали меня в траве. Я напоминала младенца, которого они нашли в капусте, готова была расплакаться, и едва сдерживала себя, и от этого мое лицо напоминало старый скукоженный бабник.

Забравшись дома под одеяло, я почувствовала себя гораздо лучше. Папа принес мне чашку горячего какао, а мама с Кариной устроили себе пикник из глянцевого журнала.

– У нее хороший вкус. Вся в меня, – хвалилась мама и прижимала Карину к себе, щекоча ее и заставляя хихикать.

Я завидовала сестре, которая могла смеяться, листать взрослые брошюры и накрывать ладошкой картинки, будто делает покупки. Когда я пыталась смеяться вместе с ними, получалось как-то криво, неестественно, и я хмурилась, от того, как сестра с мамой сразу замолкали и качали головами, показывая, что моя попытка провалилась.

Я знала, что мама покупает втихаря шоколадки и мороженое, когда они с Кариной куда-то ездят вдвоем. Сестра всегда оставляла что-нибудь, чтобы скушать у меня на глазах и похвастаться. Папа тоже покупал мне сок и мороженое, но мы всегда делали это перед тем, как вернуться домой, и приносили по розжуну для всех.

Если он соглашался уступить моей просьбе о новом конструкторе, то просил играть с сестрой, и я делилась. Игрушка – это же не леденец, ее можно использовать по очереди. Чтобы не ссориться, мы условились, что Карина всегда первая, так как появилась раньше меня на несколько минут. И я сидела, и ждала, когда настанет моя очередь. Иногда она не настаивала до тех пор, пока не велели гасить свет и забираться в кровать. А иногда и совсем не настаивала, как в случае с мамой.

Один раз мама взяла меня с собой, и я приложила максимум усилий, чтобы ей понравиться: старалась не мешать ее разговору с подружкой, быть сдержанной и воспитанной девоч-

кой, чтобы она оценила мое умение себя вести, чтобы почувствовала – я не помеха, меня вообще здесь нет. Так что она может смело брать меня, куда угодно и ей будет не стыдно.

– У тебя что-то случилось? – спросила мама.

– Нет, почему ты спрашиваешь?

– Ты такая бука. Рядом с тобой хочется заплакать.

После этих слов мне действительно захотелось плакать, и я не смогла большие сдерживаться. Я плакала и смеялась одновременно, стараясь веселиться, чтобы мама не считала меня плаксой и не расхотела брать с собой.

– Вот видишь, я не бука, – хохотала я, в то время как из глаз падали громадные градины, я зажимала зубами губу, которая предательски дрожала.

Мама неодобрительно замотала головой. Я так и не смогла ей угодить.

Только когда онемела, мама стала подолгу выносить мое присутствие – разговаривала с подружками, как будто меня нет.

«Ты даже представить не можешь, как мне осточертел тот брак. Я не знала, где дверь с надписью „выход“. Запиралась в ванной, отворачивалась от мужа к стене. Я ничего не испытывала к этому подобию мужчины, кроме жалости и сожаления, что так обманулась. С каждой лишней минутой все большие начинала его ненавидеть за то, что могла жить по-другому, а жила кисло и блекло, хуже, чем подружки, чьи мужья работают обыкновенными ментами. У них нет тех мозгов, которые есть у моего мужа, но они умеют распоряжаться и тем малым так, что живут как у Бога за пазухой».

«Много раз пыталась вывести мужа из себя, заставить его закричать на меня при детях, ударить. Как я была бы рада, дай он мне повод собрать вещи и уйти. Меня бесило все, что он делает. В постели я давно выполняла роль сонного вялого матраса, который позволяет утыкаться в него лицом и дышать в шею, слюнявить губами. Мой благоверный почувствовал себя неполноценным и пошел искать подтверждения своих мужских сил на стороне. Наконец, моей маме удалось вывести мужа из себя заявлением, что дети не его, а он „импотент хренов“. Он занес руку, чтобы ее ударить, а я жалобно закричала на глазах у девочек. Все так, как мы и планировали. Я видела, как дочки испуганно дрожали, чувствуя боль за маму. Они плакали, а я упивалась своей победой сквозь выдавленные слезы. Он сам дал мне автомат в руки, оставалось только нажать на курок, и я выпустила очередь – подала документы на развод».

Темная ночь. Не спится. Встаю и иду по холодному полу босиком. Брожу по темным коридорам замка, как кентервильское привидение, только цепи не хватает, для устрашающего шума. Ноги скользят бесшумно, и я, незамеченная, подхожу к приоткрытой двери кабинета. Вижу полоску света и слышу голоса. Разворачиваюсь, чтобы уйти, но мое собственное имя, заставляет замереть на месте. Меня окликнули или мне показалось?

Я вслушиваюсь, боясь, что меня обнаружат. Мне нельзя здесь находиться.

«Что ты решила? Может устроить ее в частный интернат?»

«Чтобы отец мог навещать ее, а я за это платила? Нет. Пусть сам разбирается со своей проблемой. Я не собираюсь облегчать ему жизнь. Пусть волочит этот груз всю жизнь, как я волокла наш брак семь лет».

И меня сдали, как сдают сломанный пылесос. Свалили в кучу с остальными поломками – моим отцом...

Машина переваливалась с бока на бок, пробираясь по снежной колее. Десять километров по деревенским просторам. Сюда не ходят автобусы, не летают самолеты и не ездят поезда. По дороге невозможно в ливень пройти в резиновых сапогах, глину размывает так, что ноги

вязнут. А гигантские ивы смыкаются над головами огромной аркой и устрашающе трясут ветвями при вспышке молний. Сейчас на них зимние наряды и они сыплют мягким снегом, как новогодним конфетти.

«Не представляешь, как хорошо здесь летом», – пишу Ромке в блокноте.

Немой быть очень неудобно, в мире, где все вокруг говорят. Но иногда мне кажется, что я не одна такая. Многие отгораживаются механизмами, предпочитая их живому разговору. Просто они никогда не были немymi и не знают, какой это дар – уметь говорить.

Мы сидим на заднем сиденье и обмениваемся записками.

Идея родилась неожиданно, и я впервые почувствовала, что быть немой очень даже романтично. Мало кто в современном компьютеризированном мире шлет бумажные письма, а мы как у Пушкина в «Барышне-крестьянке», разговариваем с помощью бумаги, только не кладем письма в старое дупло, а суем между автомобильными креслами, просто для веселья. Теперь не одному Ромке приходится ждать моего ответа. Мы в одинаковом положении.

«В один год змеи от жары обезумели, вместо орехов свешивались с веток».

«Не страшно?» – спросил меня Ромка.

Я отрицательно покачала головой и махнула рукой на дорогу в город, скрючив пальцы и сделав маску пугающего монстра. Страшнее среди большого числа людей в огромном бездушном городе. Огромные механизмы, бешенные скорости, все куда-то спешат, и с их важными делами, им некогда подумать даже о самых близких.

Моя немота – это отпечаток жестокости людей, бездушности разводов. Она достаточно невидима, чтобы некоторые позволили себе забыть о случившемся. Но я просто физически не могу забыть. Потому что каждый раз, когда я пытаюсь сказать: «я забыла», я понимаю, что не могу произнести ни слова.

«Надеюсь, мы не увязнем в снегу, и Вике с папой не придется откапывать машину». Сегодня мне хотелось поскорее добраться до места и похвастаться деду и бабуле своими успехами.

Показался наш участок у самого леса. Огромные поля не истоптанного снега, где можно разглядеть каждый звериный след. Так и хочется упасть на чистое ровное полотно и почувствовать себя космонавтом-первооткрывателем, который первый ступил на эту неизвестную планету. Кое-кто назвал бы меня малым ребенком, который все еще любит копаться в снегу, но меня это не обижает и не трогает. Подумаешь. Вика, раза в два меня старше, а никогда не отказывает себе в удовольствии поваляться со мной в снегу или скатиться с горки.

Открыла дверцу, и утопила ноги. Короткие ботинки наглотались сполна, и поделились мокрой влагой с колготками.

«Где там мои любимые валенки?» Надо поскорее добраться до печки и стянуть оттуда теплые носки и обувь, которые погрузились в сладкие дремы, разморенные теплом.

Вижу Ромкин восторг и снова смотрю на все с первобытным восхищением.

– Это что белка? – Ромкины глаза округляются, а рука указывает на кормушку с семечками прямо под окнами.

«Ага».

Белки вечно ссорятся с птицами из-за еды.

«Всем хватит», – утешает дед и подсыпает еще.

Кутает яблони в плотные куртки из ткани, а зайцы их раздевают. Орудуют лапками как руками, проворно, торопливо. Дед им кормушку с сеном поставил, а они нет-нет да соблазняться на сладкие веточки.

Снег хрустит алмазным ковром, а брови и ресницы, как ветки деревьев, покрываются инеем. Среди древесных великанов, запрокинув голову к небу, мы вдыхаем полной грудью, ощущая вкус свободного от смога воздуха.

– Женька, вы чего там встали? Идите в дом. Ноги все мокрые. Простудитесь.

Вот опять со своей заботой о здоровье не дают продохнуть.

Захрустели к дому, и Ромка нерешительно замер у крыльца, приветствуемый нечеловеческим рыком. На него уставились два ярких глаза и скалились острые зубы. Наш телохранитель Боб выполнял свою работу – предупреждал чужака, чтобы не смел, превышать границы дозволенного. Солнечный бульмастив с темно-коричневыми ушами с незнакомцами твердый гранит, а с родными – мягче воска.

– Свой. – отозвался дед и, опираясь на костыли, поднялся с кресла. Весь седой, он походил на Деда Мороза с единственной разницей – на нем был черный тулуп и спортивная шапка.

Пес занял свое любимое место рядом с хозяином, дедуля потрепал его за ухом, а потом поманил меня.

– Давай свой нос.

Я смущенно подставила щеку для поцелуя. Семейные ласки действовали на меня, как уменьшающая жидкость, я чувствовала, что прямо на Ромкиных глазах превращаюсь в малышку.

– Так значит, твоего ухажера зовут Роман? Наслышан.

«Он не мой», – воспротивилась я, думая, как растолковать ему, что мы просто друзья.

– Вижу, что немой, – пошутил дед, косясь на Рому, который страдал временной потерей речи.

– Я не немой, – Рома протянул руку, – Здравствуйте.

Дед еще раз посмотрел на молодого человека и протянул руку.

– Ну, здравствуй, здравствуй.

Рома сглотнул под пристальным взглядом.

«Дед, ты чего его пугаешь?» – я внушительно посмотрела на деда.

– Я разве пугаю? – удивился дедуля. Морщинистое лицо улыбалось широко и дружелюбно, и он подмигнул одним глазом, – Я на него просто смотрю.

«Это как смотреть. Можно так, что человек выиграет марафон на длинные дистанции».

– Какие новости?

«Какие? Какие? Каникулы у нас», – я сияла как начищенные стекла дедушкиных очков.

Пора зимних праздников – время встреч и гостей, и я радуюсь каникулам, как радуется выпущенный из клетки на волю птенец. Ко мне, наконец, придет Карина. Она не сможет сказать, что завалена с головой уроками, не сможет сослаться на кучу важных дел. Какие могут быть дела, если ее ждет сестра?

– Значит развлекаетесь?

– Общаемся, – храбро вставил Рома.

– Получается?

– Стараемся.

И дед туда же. Включил отпугивающую опцию. Взялся Ромку испытывать. Запугает вопросами, а мне потом придется первую помощь оказывать.

– Хозяйка на стол собирает, – дед открыл дверь, приглашая нас в дом.

«Сделано руками деда», – объяснила я.

– Они у тебя замечательные.

Я согласно кивнула. Золотые. Все сломанные приборы в поселке несут деду, а всех больных везут отцу.

Жар печи резко ударяет в лицо, и я чувствую, как оно быстро оттаивает в натопленной комнате. Боб отряхивается и сразу направляется на доклад: «Внучка доставлена живая и невредимая». Бабушка достает ароматные пирожки, и я на время забываю про валенки и сугробы. Традиционное лакомство выходного дня – бабушкина выпечка. Как будто в них порошок забвения. Съешь и обо всем забудешь.

– Школьница, рассказывай о своих успехах, – бабуля смотрит на меня с улыбкой, – Первое полугодие на отлично?

С полным ртом, обжигая небо и язык горячим пирожком, мотаю головой. Сейчас мне не до разговоров. Наблюдаю за Ромкой, который застрял взглядом на полке, где выстроились в ряд модели машинок из картона.

– Очень красивые. Вы сами мастерили?

– Конструктор рядом с тобой, – опередил меня папа.

Бабушка принесла пиалы супа с облачками пара, и я пропустила ее ближе к столу.

– Так это вы сделали? – Рома пытался соединить в своем мозгу машины и бабушку в цветочном фартуке.

– Нет, что ты, милый, – рассмеялась бабуля, явно польщенная, – Я могу картошку заставить цвести, а по машинам у нас Женька специалист.

– Ты?

«Ага».

– Мне очень понравилось.

У Ромки вытягивается лицо, а кожа в области шрама становится более гладкой и ровной. Мне так нравится его удивлять.

«Ты сделал меня счастливой», – сказала моя улыбка.

За разговорами время летело незаметно. Темнеет рано. Папа повез Ромку на станцию, а мы с Викой поспешили во двор, пока еще можно разглядеть друг друга. Повалилась с разбега в сугроб, лежу как на пуховом одеяле и машу руками и ногами, как крыльями, делаю снежного ангела и думаю о своем, земном. Такой чудесный вечер, и Ромка. Напоминаю себе снежинку и кружусь вокруг Вики, напевая себе новогоднюю песню:

«Снежинку хрупкую спрячь в ладонь,

Желание загадай...»

Чтобы такое попросить у снежного ангела? Свое самое заветное? Чтобы родители снова были вместе?

Смотрю на Вику, которая загребая полную лопату, чистит дорожки и старательно сооружает снежную насыпь, чтобы залить горку.

Звук мотора. В темноте слепят фары, я зажмуриваюсь и замираю на месте. К воротам подъезжает незнакомая машина. В ушах стучит, будто сердце спряталось там и громко бьется. Совсем как тогда, семь лет назад.

Это были часы рая – никаких ссор, спокойствие и веселье. Папа увез нас из «замка», и мы спрятались на даче. Мы играли в снежки, делали ангелов на снегу, «кучу малу» и лепили снеговиков. Я уже не помнила, когда так много смеялась.

К воротам подъехала черная машина. Она резко выделялась на фоне белого снега и производила ощущение гроба внесенного на свадебную церемонию. Оттуда вышли черные люди. Веселье утонуло в звуках приглушенного мотора и хлопка двери.

Я почувствовала скрытую угрозу в том, как смотрели незваные черные скалы, как напрягся за считанные секунды папа.

– Уведи детей в дом, – велел папа, и мы с бабушкой побежали, так и не дав прозреть нашей снежной бабе.

Дед вышел нам на встречу и даже не улыбнулся. На его лбу был начерчен целый ряд восклицательных знаков – морщин, он плотно закрыл за нами дверь на ключ.

– Собирайтесь, – сказала бабушка, и принялась паковать наши школьные рюкзаки.

Куда? У нее есть план, где спрятаться от бандитов, куда убежать, чтобы нас всех не поубивали?

Я посмотрела, как сестра укладывает подарки отца в сумку, и отвернулась к окну. Прилипла лбом к стеклу и стала смотреть во двор. Машина сдала назад, и я повернулась к бабушке, чтобы сделать ей знак распаковываться. Они уезжают. Бабушка и Карина были увлечены поисками вещей и не смотрели в мою сторону. Я снова глянула в окно, чтобы до конца убедиться, что приготовления неоправданны.

Снег полетел из-под колес машины, резко набирающей скорость и врезающейся в ворота. Хлипкое проволочное ограждение было не предназначено для военных атак и сдалось без боя, упав при первом ударе. Справившись с одним соперником, броневик не остановился и продолжил свой путь, резким толчком отбросил отца.

Я безмолвно вскрикнула и зажала рот рукой, будто испугавшись звука, который мог сорваться с губ и выдать наше местонахождение. Надо позвонить в полицию, надо кому-то сообщить! Я отскочила от окна и бросилась к двери, остановившись на пол пути перед преградой – бабушкой и сестрой. Моя голова тряслась, глаза рвались из орбит, будто хотели отделиться и покатиться спасать папу, руки колотили невидимого противника, а рот разрывался от немого «папа».

– Не надо бояться, – спокойно сказала бабушка и взяла меня за руку, будто ничего не произошло.

Я вырвалась и продолжала трястись. Она не понимает, что происходит. Она не видела того, что видела я. На моих глазах они только что убили папу.

– Идем. Эти люди отвезут вас домой.

О чем она? Эти бандиты? Какое отношение они имеют к дому? Какое бы не имели, я не сдвинусь с места и никуда не поеду. Наш дом здесь. Кто-то запутал бабушку, и мне нужно срочно объяснить ей, что происходит. Но как?

Бабушка вывела нас с сестрой на веранду, и я была рада. Там она могла увидеть все сама через большое стекло в двери. Тогда она, наконец, сделает что-то, чтобы спасти отца и спрячет нас с сестрой от убийц.

Я потянула сестру за рукав. Надо спрятаться здесь, показывала я на стол с длинной скатертью, но она смотрела на меня как на сумасшедшую, и продолжала стоять с бабушкой у самой двери. Я отшатнулась.

Все пространство стекла заполнила чернота. Квадратное лицо смотрело с угрозой, и я радовалась тому, что нас защищает дверной замок. Я спряталась под столом и молила сестру пойти ко мне, но она упрямо и смело стояла прямо перед бандитом. Сейчас он выломает дверь. Я замотала головой в попытке воспротивиться. Крик «нет» так и не сорвался с моих губ. Бабушка открыла дверь и отдала сестру бандитам.

– Все хорошо, милая. Этот дядя отвезет тебя к маме.

Карина понимающе кивнула, а я отказывалась понимать. На моих глазах убийца отца взял Карину на руки, и она обняла его за шею, как обнимала папу, когда он нес нас одновременно, по одной на каждой руке.

– Где вторая?

Я попятилась назад, в самое темное место под столом и больно стукнулась о столешницу. Бабушка выловила мою руку и дернула на свет.

– Дорогая, не надо бояться. Эти люди не сделают тебе ничего плохого.

«После того, как они сбили папу?»

– Мама ждет дома. Она вас очень любит

Я только отрицательно мотала головой и тряслась, будто провела несколько часов на сильном морозе. Когда меня пытались ухватить, щипалась и царапалась. Толстокожего громилу не трогали мои попытки, но они мешали ему выполнять задачу и очень раздра-

жжали, поэтому он меня встряхнул, а потом небрежно подхватил за пояс и прижал к середине бедра. Но даже тогда я не переставала колотить кулаками, и Карине пришлось спуститься на землю и идти самостоятельно. Стальные клещи обхватили мои тонкие запястья и обездвигили.

– Спасибо, – черная рука протянула письмо в конверте.

Я гадала, что в нем? Может, объяснение, почему это происходит? Извинение?

– Это дело принципа – дети должны жить с мамой, – бабушка попыталась вежливо отказаться от предложенного конверта, но бугай покачал головой.

– Велено.

Перед глазами затряслись деревянные ступеньки, серая, расчищенная от снега дорога, шапки снега на клумбах и грядках Меня понесли к машине. Я не верила, что нас повезут к маме. Эти бандиты не могут быть ее друзьями. Я видела, как в фильмах такие же машины и похожие люди похищают детей и готовилась к худшему.

Красные отблески габаритов окрасили снежного ангела. Он не смог защитить папу, чья рука, странно скрюченная, торчала в снегу. Карина прижималась к черной брючине и отказывалась смотреть на валяющиеся, как трупы, тела папы и деда. Мои зубы, озлобленные и напуганные, стучали с такой силой, что когда в их близи оказалась черная плоть, уцепились за нее и сжались. Меня саданули той самой надкусанной ногой, и подтянули к зловещей угрюмой физиономии.

– Будешь вести себя спокойно – никто не пострадает.

Этим людям не было веры. Я собственными глазами видела, как черный гроб толкнул отца в могилу. И я думала, как хорошо, что наша снежная баба без глаз. Она не может видеть того, что вижу я.

Нас усадили в черную, как смерть, громадину на колесах, в салоне было душно, но я чувствовала ледяной холод улицы. Шатающийся отец с трудом поднялся на ноги и встал перед машиной. Он был жив. Я тронула плечо Карины и показала на папу, но она не шевельнулась. Я хотела заколотить по стеклу, закричать «папа, я здесь!», но вспомнила слова убийцы. Если я буду вести себя тихо, никого не тронут. Чтобы папу оставили в живых, я должна молчать. И я не издала больше ни звука, не сдвинулась с места.

– Привет, – из машины выскочила Катя, дочка папиного брата, моя двоюродная сестра. Смотрю на нее удивленно. «Никто не сказал, что ты приедешь».

– Хотели сделать сюрприз.

«Сделали».

Она смеется, и я потихоньку оттаиваю. Это не то, что я подумала. Никто за мной не придет. Это просто Катя. Точнее нет. Не просто. Это моя любимая Катя. Как я рада ее видеть. Подхватываю на руки и кручу, как делали это наши родители, когда мы были маленькими.

– Сумасшедшая. Поставь меня на землю. Я же тяжелая.

Совсем не тяжелая, когда радость помогает. Тяну ее за руку «пошли», и тащу в дом, забыв про Вику, с которой планировала устроить снежный бой. Ничего. Она там со взрослыми пусть разбирается, а мы с Катей спрячемся в нашей комнатке наверху, чтобы пошутиться.

– Дай мне хотя бы со всеми поздороваться, – упирается Катя, – Накорми, напои, а потом расспрашивай.

Даже Баба-Яга Ивана Царевича сначала угощала, а потом допытывала. Придется выдерживать очередную серию пирожков.

Рукопожатия, объятия и поцелуи. Бабушке вручают огромный букет, который смотрится фантастически посреди гигантских снежных гор – сугробов. Душистое напоминание весны.

– Я поставлю разогреваться жаркое и сделаю салат, – предлагает Вика, но бабушка только машет на нее рукой:

– Иди.

С обеих сторон бабулю обнимают дядя Артем и Альбина. Шуршит упаковкой букет, и бабушка торопится отнести его в тепло, пока цветы не превратились в лед. Я тоже получаю свою коробку с подарком, и чувствую восторг. Не могу понять, нравится мне новая жена дяди Артема или нет? Так сложно судить о человеке по праздничным обедам. Букеты и свертки застилают глаза.

Папа и дядя Артем выходят на крыльцо, поговорить о своем, «мужском». «О девичьем» болтают Альбина и бабуля, сидя в уголке в мягких креслах. Ложка ворошит овощи в тарелке – скоро будет готов салат, жаркое на плите принимается булькать.

Мне немного обидно за Вику, которая совсем одна. У всех есть собеседники, а у нее чашка чая и стул – вот и вся компания. Но грустить не дает веселый колокольчик Катюшкиного смеха. Дед пытается сестру едой и вопросами, а я сижу, обнимаю ее руку и слушаю про отметки, про успехи – сухой выдержанный доклад, интересный одним взрослым. Все самое важное Катя прибережет для того момента, когда мы останемся одни, будем лежать в кроватях и перешептываться.

Смотрю на деревянный потолок. На нем бегают тени, и я переворачиваюсь на живот, чтобы их не видеть. Мне достаточно теней прошлого.

У изголовья горит ночник. Мы с Катей лежим на диване кверху ногами и держим перед собой блокнот, переписываемся, чтобы никто не слышал, о чем. Катя рисует витиеватое, похожее на колючую проволоку слово «развод».

«Где ты сейчас живешь? У папы?»

Качает головой.

– Пацапалась с этой. Она назвала меня «неблагодарной маленькой тварью» и дала пощечину.

Я вздрогнула, будто это меня только что ударили. Как такое возможно?! Меня никогда не били, и я не знала, как бы я себя повела в этом случае. Покончила собой или ушла?

«Ты пожаловалась отцу?»

– Не смей меня, – Катя захохотала, – Мне не пять лет. Могу сама разобраться со своей проблемой. Просто дала сдачи, чтоб остыла, а сама свалила.

Катюшка, бьющая Альбину, не укладывалась у меня в голове.

– Она нормальная. Сигареты мне покупает, когда прошу. Но как представлю тот день, когда застала их, тошно становится.

Катя вздохнула, набрала силы в легкие, чтобы приступить ко второй еще более печальной главе.

– Потом этот дележ. Спорили из-за коврика в прихожей и рвали семейные фотографии. Она крутит отцом как хочет. Мать говорит, это Альбина надумала отца не оставлять нам с матерью ни копейки.

Было сложно представить дерущихся из-за вещей родителей. Моя мать просто заказала грузовик и вывезла все ценное из квартиры, включая мебель, даже рубашки отца зачем-то прихватила.

– Я все время проводила у бабушки с дедом, но это было еще невыносимее. Мне капали на мозги, что мать – дрянь, а Альбина золотце.

Мои брови полезли вверх.

«Наши дед и бабуля? С чего?»

– Без понятия. Может, она им приплачивала?

«Да ну. Глупости», – то, что Катя так отзывается о родных, мне не нравилось. Это все-таки люди, которые о нас заботились, и которых я безоговорочно люблю. Сестре следовало быть разборчивее со словами.

– Для меня Альбина как была, так и остается обыкновенной шалавой, которая разрушила нашу семью. Жить в квартире папиной любовницы я отказалась и переехала к маме. Сначала мы жили хорошо. Она не доставала с учебой, не спрашивала, где я была.

«Прикольно».

Поведение Катиной мамы было чем-то за гранью разумного. О таких предках можно только мечтать. Мой папа расписывал каждую мою секунду, и всегда знал, где я нахожусь и что делаю. Хотя меня это не парило, в моей жизни не было ничего, что требовалось скрывать.

– Выпиваю чашку кофе. Дома жрать нечего. Маму «ужинают в ресторане», а я перебиваюсь тем, что раздобуду на рынке.

«На рынке?» – повторила я, добавив несколько восклицательных знаков. Катя не переставала удивлять.

– Те крохи, которые дает отец уходят на еду, надо же на что-то жить. Приторговываю шмотьем, – будничным тоном продолжала Катя, – У моего знакомого кавказца там точка. Кстати, приходи, подарок тебе к Новому году подберем.

Мои глаза снова полезли на лоб. Работа в пятнадцать? У меня со всеми кружками и секциями тарелку в раковину за собой убрать времени нет. А как же школа? Да еще кавказец какой-то. Я их за километр обхожу.

– Они нормальные ребята. Вот только девки у них дурные. Стелку забили, морду хотели набить. Но я и сама не промах. Девке морду набить – ниче не стоит. Они только царапаться и волосы драть умеют. А я руки за спину заломлю и лицом в асфальт.

«Ах, Катя, набралась ты на этом рынке», – я покачала головой. Что стало с милой девочкой, которую я знала в детстве, еще до того, как наши родители увязли в болоте разводов?

– Это ты у нас цветок из теплицы, – огрызнулась сестра, – Среди сорной травы и роза одичает, превратится в шиповник. Ты бы видела, с кем путается моя мать. Говорит, это ее «лекарство от памяти». Надирается в зюю и отрубается, а ее хахали руки распускают.

Я даже подскочила на кровати.

«Они что?!»

– Лапают за грудь, пытаются штаны стянуть. Ну, что делают мужики в таких случаях?

Я поперхнулась слюной и закашлялась.

– Ты будто вчера родилась, честное слово.

– Мне несколько раз приходилось ночевать в подъезде, на ящиках для картошки. Мочилась за трубой мусоропровода. Это лучше, чем идти домой, когда мать бухая, – говорила Катка вдохновлено, – Прикинь. Познакомилась так с соседом с пятого этажа. Двадцать лет, а я у него была первая. Ты вообще такое можешь вообразить?

Что именно? Что моя сестра занималась этим на ящике картошки? Мое воображение не настолько развито, чтобы такое себе представить. Не говоря уже обо всем остальном: бухие родители, ухажеры-наильник.

«Ты уверена, что не фильм – ужасов мне пересказываешь?»

– Да, ладно тебе драматизировать. Все нормуль. Я с этим Гришей – соседом теперь живу. Родители не общаются. Так что пребывают в полном неведении. Папа считает, что я у мамы, и наоборот. Раз в месяц батя дает деньги на еду. То, что зарабатываю сама, откладываю. НЗ, чтоб ни от кого не зависеть.

Я чувствовала себя дважды немой, не могла подобрать слова. В сравнении с Катиным рассказом мои переживания блекли. У меня хотя бы был папа, и Вика, а у Кати никого.

– Ладно, давай спать, глаза слипаются, – Катя придавила головой подушку и моментально заснула, а я еще долго не могла сомкнуть глаз. Все смотрела в потолок на тени, и мне мерещились длинные руки, которые пытались схватить меня и сделать то, о чем говорила сестра. Я зажмурилась, пытаясь прогнать видения и уснуть.

Не знаю, сколько я так лежала. До того самого момента, когда оказалась на улице под проливным дождем. «Сейчас же зима. Почему идет дождь?» – пронеслось вдалеке моего сознания. Голые ноги по колено в вязкой глине.

Машина буксует в жидкой жиже, и брызги оседают на моем лице. Я оступаюсь и падаю. Ноги и руки покрываются коричневой грязью. Отплеываюсь, поднимаюсь на ноги и ползу следом из последних сил.

«Мама! Не уезжай!»

Водитель дает по газам.

– Пожалуйста, вернись!

– Я никуда и не уходила, – раздается голос у самого уха, – Я всегда буду рядом, – я останавливаюсь, поворачиваюсь и вижу Вику.

Как она смеет меня задерживать? Мама вот-вот исчезнет, и я потеряю ее из виду, а она лезет со своими глупостями.

– Ты мне не мама и никогда ей не станешь! – кричу в сердцах и отталкиваю, чтобы не стояла у меня на дороге.

Тяжело дышу, ноги вязнут в мягкой глине и скользят, но я заставляю себя бежать. Машина останавливается, и я подхожу к двери. Радостно улыбаюсь. Она вернулась, она услышала, она будет со мной.

– Женья, – зовет мама ласково и выходит, чтобы обнять меня, я смотрю в ее глаза, наполненные любовью, и снова вижу Викино лицо.

– Нет. Это невозможно. Я зажмуриваюсь на секунду, открываю глаза, но картинка не меняется, как бы я не старалась, не могу заставить маму появиться.

Сквозь сон чувствую, как кто-то тянет одеяло и стаскивает с меня остатки кошмарного сна.

– Вставайте, лежебоки, – погладила по волосам Вика, но мы с Катей ее проигнорировали, натянув одеяло по самые уши и пытаюсь снова залечь в спячку.

В лицо уткнулся холодный собачий нос, Боб умывал нас своим языком. Вика бросила нас на растерзание пса. Этот не отстанет, пока нас не дотащит до умывальника. Ухватил нас за пижамы и принялся тянуть. Одеяло уже валялось на полу в другом конце комнаты. Хочешь, не хочешь, а вставать придется.

– Порвешь, – ругает Катя пса, а сама хохочет и начинает ответную погоню, набрасывает на него одеяло и превращает в рычащее привидение.

– Женька, у меня для тебя хорошая новость, – папа подмигивает и протягивает телефон.

Смс от Карины: «Приеду к 12». Ни приветов, ни прощаний. Ничего лишнего. В папином духе. Четко и без эмоций. Сухое извещение заставляет дергаться пружинки в моих ногах.

– Пойду, скажу деду. Уедем после завтрака.

«Как так?...»

– Ты же хочешь повидать сестру?

«Да».

– Значит надо выбирать. Если не уговорим Карину поехать с нами, вернемся сюда после ее отъезда.

Я согласно кивнула, хотя это было далеко от того, чего мне хотелось в действительности. Мое самое сокровенное желание никогда не осуществится, сколько бы снежинок я не прятала в ладони, сколько бы не загадывала под бой курантов, чтобы мама и сестра были рядом со мной всегда.

Очищенные от ночного снегопада машины ждут своих пассажиров.

– Так может, Карина останется на пару дней и вы приедете все вместе? Каникулы все-таки, – спрашивает дед с надеждой и мне хочется успокоить его.

– С Кариной невозможно строить планы. Не будем ничего загадывать, – отмахивается папа.

– Все правильно, – говорит дед с торопливым спокойствием.

Мы с Катей, не договариваясь, одновременно прижимаемся к нему с разных боков. Дед прощается так, будто видимся в последний раз.

– Берегите себя, мои родные. Если что, сразу звоните, – сказал дед и так серьезно посмотрел в сторону Кати, что мы переглянулись, не подслушал ли он наш разговор.

– Живите дружно, – сгреб папу, Вику и меня в охапку, – Ты не давай им спуска, – смотрит на Вику, – Построже с ними.

– Надаешь Вике советов, а мне ее потом перевоспитывать, – отшучивается папа, а Вика только молча улыбается.

– Ну, все, мои хорошие. Поезжайте. Осторожнее на дороге. Ни пуха.

– К черту, – прощается отец.

Вика смущенно улыбается. Никак не может привыкнуть к тому, что папа посылает своего отца к черту. Я ободряюще улыбаюсь в ответ. Ничего, привыкнешь. Традиция такая.

Дома Вика бросается к приготовлениям. Кружит над поваренной книгой, чтобы удивить Карину чем-нибудь необычным. До приезда сестры считанные минуты, а еще ничего не готово. Она начинает волноваться. И это слышно по усилившемуся топоту ее голых ног, они стучат по полу, звучно сообщая о перемещениях от плиты к столу. Карина – редкая гостья, и Вика старается создать уют и хорошее впечатление, чтобы сестра навещала ко мне и папе чаще.

– Женя, ты не хочешь переодеться? – спрашивает Вика, и я недоуменно кошусь в ее сторону.

«А чем мои джинсы плохи?» Ах, да! Как я могла забыть? Как приехала с дачи, так и не переоделась. Принимаюсь искать чистую пару джинсов, и слышу с кухни:

– Вторая полка. Снизу.

Точно. Стягиваю с себя грязную одежду и замечаю белую пластинку с двумя полосками. Тест. Совсем о нем забыла. Так все-таки мы ожидаем пополнения или нет? Задумчиво верчу его в руках и быстро прячу за спину, когда в комнату входит Вика. Она поднимает грязную кучу вещей и уносит в ванну, а я надеваю все чистое и осматриваю комнату – куда же мне спрятать свою находку. Достаю свою записную книжку и закладываю последнюю страницу тестом для беременности. Сюда точно без моего ведома никто не заглянет.

Наверное, было бы здорово иметь младшего в доме. Я могла бы многим поделиться, многое показать. Я потянулась к полке с коллекцией машинок. Мне было бы даже не жалко, если малыш сломает парочку. Они так запылились и заскучали на этой полке без детского внимания. Спустила все модели на пол и выстроила, как в детстве.

– Женька, сколько раз просить тебя? – умоляюще уставилась на меня Вика, – Зачем ты вообще достала эти машинки?

Я не стала посвящать Вику, что готовлю модели для подрастающего в ее животе малыша. Мне самой эта идея казалась глупой и несвоевременной, но я ничего не могла с собой поделаться. Меня охватил такой восторг от того, что у меня, возможно, будет маленькая сестричка или брат. Маленький живой человек, который будет жить со мной под одной крышей, спать на соседней кровати, и я буду заботиться и делиться, как настоящая старшая сестра.

– Оставь ее в покое! – бросился мне на защиту отец, хотя Вика была абсолютно права.

Раньше мы убрали с сестрой наперегонки. Получалась веселая непринужденная игра. Сейчас уборка игрушек напоминала мне о том, что сестры нет рядом, поэтому я не спешила с уборкой. Может, игрушки полежат еще, а потом Вика составит мне компанию?

– Тебе что сложно самой их подобрать?

– Мне ничего не сложно, – Вика понизила голос и увела отца на кухню.

Я прекрасно знала, что это означает. Они не хотели, чтобы я их слышала. Все повторялось. Развод родителей тоже начинался с подобных ссор. Я прижалась к двери и стала слушать.

– Женя в том возрасте, когда дети сами убирают за собой игрушки, моют посуду и полы. Ничего страшного нет в том, чтобы она приучалась к порядку.

– Если тебе так важен порядок. Занимайся им сама. Для этого ты и сидишь целыми днями дома.

– Да? А я думала, это ты просил меня всегда быть поблизости в случае чего.

– Как ты не можешь понять, что Женя перенесла травму. Не нужно на нее давить. Если она захочет, сама предложит помощь.

– Она не захочет. Потому что не привыкла к этому. И тебе пора понять, что пока ты будешь трястись над ней, считая, что она травмирована. Она так и будет считать себя больной и вести себя соответствующе. Она нормальная девочка, у которой есть все шансы справиться со своими переживаниями. И для этого ей нужно вести образ жизни здорового ребенка. Не ставь на дочери крест.

– Я и не делаю этого. Тебе меня не понять. Это не твой ребенок.

– Я думала, я делаю все, чтобы она им стала. Но, видимо, недостаточно. Чтобы я не делала, тебе никогда не будет достаточно, чтобы сделать меня своей законной женой.

– Я думал, тема закрыта. Я тебе сразу честно сказал, что сыт первым браком по горло и не собираюсь жениться. Ты сама говорила, что тебя не интересует штамп, что замужество – это внутреннее ощущение, а не печать в паспорте.

– Да, говорила. Но теперь мне этого недостаточно. Я устала ждать, когда ты излечишься от своего недуга. Я знаю, что предательство жены и матери подкосило тебя, и ты больше не веришь в брак, как когда-то не верил в развод. Но я больше не в силах терпеть то, что ты мстишь в моем лице другим женщинам.

Вика открыла дверь, а я быстро отскочила на пол, обратно к своим игрушкам. В глазах Вики стояли слезы, когда она тоскливо посмотрела в мою сторону. Ее нога поскользнулась на одной из моих машинок, и она упала, сдавленно вскрикнув.

– Что случилось? – отец выбежал из кухни и протянул Вике руку, чтобы помочь ей подняться.

– Не трогай меня, – она отшатнулась, посмотрела сначала на отца, а потом на меня, – Я же просила.

Я всхлипнула, отец вздрогнул, будто от пощечины, и злобно посмотрел на Вику:

– Вот видишь, что ты натворила?

Вика прикусила трясущиеся губы и бросилась в спальню, не оборачиваясь. Папа обнимал меня и гладил по голове, я указывала в сторону комнаты, где закрылась Вика, чтобы он пошел туда и все уладил, но он не двигался с места, и я разразилась громкими рыданиями. Я винила себя за случившееся. Если бы я убрала машинки, ничего бы не было.

Вика вышла в коридор с сумкой.

– Что ты делаешь?

– Уезжаю.

– Ты! – будто яд выдавил из себя отец, а я громко зарыдала, пытаюсь его хоть как-то разжалобить. Мои слезы возымели обратный эффект.

– Еще хуже, чем она. Не могла подождать до окончания праздников? Заставляешь мою дочь снова потерять мать.

Вика покачала головой.

– Ты так ничего и не понял. Это не я, а ты, – и она тихо, как тень, закрыла за собой дверь.

Папа был сердит на Вику, а я на него. За то, что не удержал ее. Если бы он сказал, что любит, что готов жениться, все было бы иначе. Она бы осталась. Я уверена. Но он боялся. Точно также как я боялась снова испытать ту же боль, и испытала. Боялась потерять и потеряла.

Я думала о Вике, о ее ребенке. Может быть, у нее в животе моя маленькая сестричка. Теперь я никогда этого не узнаю. Она ушла. Ушла, как моя мама, забрав вещи и сестру. И на этот раз мне было даже больнее, чем в прошлый.

Щелкнул замок, и я подбежала к двери.

«Вика?»

– Я во время? Чего такие хмурые?

На пороге стояла бабушка с коробкой пирожков, укутанных в полотенца. Мы с папой как в рот воды набрали.

– Карина не приедет? – пытала нас бабуля.

– Как не приедет? Я уже тут, – сказала сестра, и заставила меня на время забыть обо всем, кроме своего появления.

«Даже не верю, что ты приехала», – я обхватила сестру, которая казалась деревянной куклой, твердой и неподвижной, с не сгибающимися руками и туловищем.

– Аккуратнее, у меня цепочка тонкая, можешь порвать своими тисками, – Карина расцепила мои руки, обнимавшие ее, и отошла к зеркалу, чтобы поправить платье и прическу, – Ну, рассказывай. Что хорошего? – сказала она непринужденным тоном, будто забыла, что я не могу.

«Ты!» – я глупо улыбалась, указывая на нее пальцем. Это и есть самое хорошее и интересное.

– С тобой все понятно, – Карина плюхнулась на кровать.

Одна нога в блестящем сапоге на тонюсенькой спице с яркими огненными языками пламени на черной коже свисала с кровати. Я молчала. У нас непринято ходить в уличной обуви, и я точно помнила, как папа попросил Карину переобуться. Но разве стоят полы радости встречи с сестрой?

– Спать хочу, умираю. Легла сегодня в три ночи. Никак не могли расстаться с Дэном. Всю ночь асились, хоть оба знаем, что рано вставать и пилить через весь город в школу. Весь прикол в том, что Дэн живет через одну стенку со мной, и мы могли бы перестукиваться, подавая друг другу сигналы. Но это было прикольно, лет сто назад. Сейчас есть скайп и контакт. Кинул всем рассылку – и все в курсах, у кого хата свободна, кто бахло подвезет, с кого курево. На прошлой неделе у Натахи отжигали. Ее предки тоже в разводе. Вот Натаха и доит отца, как может. Он даже не в курсах на что его деньги пошли, хотя по-моему ему по барабану. Он, вроде как, и сам не прочь оттянуться, судя по Наткиным рассказам. На жратву и выпивку никогда не скупится.

«Как мама?» – пишу маркером на специальной доске.

– Да что с ней станет? Все ОК. Я ее редко вижу. Они почти все время за границу катаются. Раньше меня тоже брали, но щас мне не до того стало.

«Уроки? Девятый класс?»

– Ты что смеешься? – Карина хватается за живот, а потом делает знак тихо, хотя я и без того не произвожу никакого звука, – Алло. Да, ма.

«Мама?» – я показала пальцем на себя и сделала умоляющий жест руками, чтобы Карина передала мне трубку. Так хотелось получить весточку от мамы.

– Доехала. Все в порядке. Когда, когда? Когда надоест. Пока, – Карина недовольно буркнула, – Задалбывает меня даже по телефону. Считай, что ты везунчик, что с отцом живешь. Прикинь, посадила меня на домашний арест. Вообще тью-тью. Я ей сказала: «будешь себя так вести, укачу к папе». Вот она струхнула. Каждые пять минут звонит, спрашивает, когда домой вернусь.

«Так ты к нам надолго?»

– О чем я там тебе рассказывала? А, вспомнила. Короче, встречаюсь с парнем.

«Да? Я тоже».

– Я девушка видная, они вокруг меня вечно выются, но я же не шалава какая-нибудь, с кем попало не стану встречаться. Выбрала себе двоих, самых нормальных из компании: Пашу и Диму. По темпераменту я в отца. Он же тоже у нас был полигамный, это мама всю жизнь любила одного Валентина.

«А папа?» – удивилась я.

– Это ошибка молодости. И вообще речь не о маме, а обо мне. Вечно ты меня своими вопросами сбиваешь. Ты хочешь узнать о моей жизни или тебе все по барабану, как и нашему отцу.

«Хочу».

Я отошла от доски и села рядом, не сбивая Карину и давая ей выговориться.

– Димка сначала с Натахой мутил, но это пока со мной не познакомился. Я его быстро к рукам прибрала.

Сестра достала из сумки шоколадку и стала хрустеть фальгой и чавкать, облизывая губы. Она ела так аппетитно, что пересыхали губы. В «чемоданчике» Карины обнаружился и холодный чай. Она отхлебнула и, наконец, продолжила рассказ.

– Все было клёво, до Наташкиной вечеринки. Тогда я так перебрала, что потеряла контроль. Подозреваю, Наташкиных рук дело. Подмешала мне чего-то. Дима надулся, как пузырь. И все из-за чего? Подумаешь, поцеловалась с Пашей. Конечно, надо было подождать, пока он свалит домой или убедится, что нас не запалят. Хорошо, что он еще не в курсе, что мы потом чудили, когда он свалил. Пашке из-за условия пришлось тоже линять пораньше. Короче, я осталась сразу без обоих ухажеров. Туса зачала. Пьянская Наташка задрыхла на унитазе, и мы с тремя парнями устроили бар в родительской койке. Обычный сценарий – выпивка, резня подушками, несколько затягов на балконе, слова за слово, и я уже в одном белье. Мы поклялись никому ничего не рассказывать. С тех пор называем этот день черной пятницей и храним эту тайну на глубине могилы. Но тебе я рассказала, ты все равно никому не проболтаешься.

«Не скучная у тебя жизнь», – написала я сестре, не найдя более подходящих слов.

– И не говори. Полна событиями, – сестра перевернулась на живот и стала болтать сапогами.

Новое сообщение вызвало у нее широкую улыбку, и она погрузилась в телефон. Я присела рядом. Мобильный Карины был похож на мини-версию компьютера.

Подняла большой палец вверх. «Здорово».

– Еще бы. Последняя версия.

Я наклонилась, чтобы рассмотреть, что производило на Карину такое сильное впечатление.

– Что никогда такого не видела?

Я замотала головой: «Никогда. У меня вот, что есть», – я принесла со стола свой мобильник и положила рядом, как когда-то игрушки, чтобы играть вместе.

– Уф. Какое старье. Спрячь и не позорься.

Убрала телефон и достала диски.

«Хочешь послушать?»

Сестра едва взглянула:

– Мне такой музыки и в музыкалке достаточно. Я от нее засыпаю, – и Карина включила какую-то незнакомую песню, которая напоминала звуки ремонтной бригады за стеной.

Сестра качала головой в такт стукам и напевала, какие-то сложные для поиска смысла строчки. Когда я снова уселась рядом и стала смотреть, что она делает, Карина отодвинулась к стене и закрыла рукой экран телефона:

– Тебе никто не говорил, что чужие письма читать не вежливо? Не люблю, когда ко мне лезут.

«Хочешь, расскажу про своего парня», – я тронула сестру за плечо и показала на доску, чтобы она прочла.

– Я же просила, – заворчала сестра, закрываясь от меня обеими руками, – Неужели так сложно оставить меня в покое на пять минут?

Я отошла от нее и села к столу. Пять минут? Совсем, не сложно. Когда видишь человека каждый день или хотя бы по пять часов, а когда ты приезжаешь на час раз в полгода и просишь оставить тебя в покое. Это странно.

В комнату вошла бабушка и тронула Карину за плечо.

– Давайте за стол, болтушки.

Сестра недовольно дернулась и встала, пряча телефон в сумку.

– Мойте руки живее. Нам сегодня еще на дачу ехать, – мягко напомнила бабуля.

– В это захолустье? У вас же даже туалет на улице. Не человеческие условия, – Карина стряхнула с одежды невидимый мусор, – Я не привыкла к такой жизни.

Она никогда и не пыталась пожить по-другому. Как разжиревший таракан, не хотела покидать безопасный шкаф с едой, в котором ее никто не трогал, и сидела в нем, не двигаясь с места. Не видела дальше своего носа, дальше большого шкафа, а снаружи ждал огромный мир. Не такой простой и не такой сытный – другой.

В ванной Карина не смогла пересилить себя и наморщила нос, когда взяла кусок мыла двумя пальцами:

– А жидкого нет?

Я отрицательно покачала головой. У Вики аллергия на жидкое мыло, и мы пользуемся только детским кусковым. При воспоминаниях о ссоре меня охватила грусть. Вике удавалось найти общий язык даже с Кариной. Как мне сейчас ее не хватало.

– В лесу можно подцепить всякую заразу, а мы с мамой планируем слетать на Бали. Не очень-то хочется вместо отдыха валяться в больнице, – Карина подержала мыло в руках и быстро смыла водой, – Позвоню водителю, чтобы забрал меня после обеда, – сказала она.

«Уже?» – быстро написала я на зеркале пальцем.

Как так? Она же говорила, что никуда не спешит, я думала останется на пару дней. Мы же ничего не успели: не поговорили, ни во что не сыграли. У меня даже времени не было про Ромку рассказать. А так хотелось поделиться.

– Мать описалась. Отменила свое наказание и согласилась на любые вечеринки. Нельзя упускать такой шанс. Мне же надо с Димкой проблему решать, сама понимаешь, это важнее, скучных обедов у деда с бабкой.

Я не понимала, но кивнула.

– Женя, к тебе Ромка пришел, – донеслось из коридора.

И я ничего не смогла с собой поделаться, уголки рта сами расползлись в разные стороны.

– А Ромка – это кто? – спросила сестра, выгнув брови вопросительным знаком такого размера, что было видно, она считает невероятным наличие у меня личной жизни.

Мы вместе вышли в коридор. Карина приступила к детальному изучению, будто корзину с фруктами перебирала на предмет, хороших и гнилых. Спортивное тело – в плюсы, изуродованное лицо – в минусы. Она подбоченилась и говорила на лисий манер. Мне стало не по себе.

– Привет, Карина.

– Привет, – Рома смотрел то на меня, то на сестру.

Я знала, что он видит: меня и улучшенную версию, последнюю модель. Грудь обтянута черным карсетом поверх красной рубашки, крошечная юбка-пояс. Глаза покрашены так, что ресницы взмывают до самых бровей. Губы призывно блестят. Все покрашено и припудрено, уложено и подчеркнуто, выставлено на показ.

– Вы близнецы? – он все еще не верил.

Карина покрутилась, демонстрируя себя со всех сторон:

– Если бы я натянула такую одежду и не покрасилась, ты бы нас не отличил.

– Это вряд ли.

Рома протянул папе руку и спросил:

– Я хотел пригласить Женю погулять, не знал, что у вас будут гости. Можно подожду в комнате?

Все время обеда бабушка очень волновалась, прыгала, как кузнечик со своего места к плите и обратно, предлагала Карине разные блюда, приготовленные Викой. Сестра игнорировала еду и не отрывалась от ярко-накрашенных ногтей, которым вдруг срочно потребовался маникюр.

– Ты ничего не ешь. Совсем прозрачная стала. Женя у нас вон как хорошо питается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.